

Е.П. Блаватская

ДИАГНОЗЫ И ЛЕКАРСТВА

То, что мир ныне пребывает в столь ужасном нравственном состоянии, является убедительным доказательством того, что никакая из его религий и философий (и у цивилизованных народов еще менее, чем у всех остальных) никогда не обладала истиной. Правильное и логичное объяснение этого вопроса, проблем великих дуальных принципов -- правды и неправды, добра и зла, свободы и деспотизма, боли и удовольствия, эгоизма и альтруизма -- столь же невозможно для нас, как и 1881 год назад: они столь же далеки от своей разгадки, как и всегда...

Из "Неопубликованного письма", хорошо известного теософам.

Не нужно принадлежать к Теософскому обществу для того, чтобы признать убедительность вышеприведенного замечания. Общепринятые убеждения и верования цивилизованных наций распространяли свое ограничивающее влияние почти на все слои общества; но у них никогда не было никакого другого ограничителя, кроме физического страха: ужаса теократических тисков и адских пыток. Благородная любовь к добродетели и ради самой лишь добродетели, замечательные примеры которой мы обнаруживаем у некоторых древних языческих народов, никогда столь полно не расцветала в христианском сердце, так же как и многочисленные постхристианские философы, за немногими исключениями, не отвечали требованиям человечности. Поэтому нравственное состояние цивилизованной части человечества никогда не было *хуже*, чем сегодня, -- и мы полагаем, что даже в период упадка Римской империи. Поистине, если наши величайшие учителя в вопросах человеческой природы и лучшие писатели Европы, такие проницательные психологи -- истинные вивисекторы человеческой морали -- как граф Толстой в России, Золя во Франции, и Теккерея и Диккенс в Англии до них, не преувеличили факты, -- а против чересчур оптимистичного взгляда на этот счет мы имеем записи уголовных и бракоразводных судебных процессов вдобавок к конфиденциальным заседаниям миссис Гранди "за закрытыми дверями", -- тогда эта внутренняя гнилость западной морали превосходит все то у древних язычников, что всегда подвергалось осуждению. Посмотрите внимательно, посмотрите у разнообразных древних классиков и даже в писаниях отцов церкви, переполненных ненавистью к язычникам, -- и для каждого порока и преступления, приписываемого последним, будет найден в архивах европейских трибуналов современный подражатель. Да, "благоклонный читатель", мы, европейцы, раболепно подражаем всякому пороку языческого мира, и в то же время упрямо отказываемся признать любую из его великих добродетелей и последовать за ней.

К тому же мы, современные люди, без всякого сомнения превзошли древних в одном, -- а именно, в искусстве приукрашивать наши моральные гробницы; украшать свежими и цветущими розами наружные стены наших жилищ, чтобы лучше скрыть их содержимое, кости мертвецов и всякую нечистоту, и сделать их "поистине, имеющими прекрасный внешний вид". Что же это значит, что "чашка и тарелка" нашего сердца остаются грязными, тогда как "внешне они кажутся людям праведными"? Для достижения этой цели мы стали такими непревзойденными мастерами в воздавании хвалы самим себе, что

"можем гордиться перед людьми". Тот факт, что мы не обманем этим ни ближних, ни родственников, мало заботит наше нынешнее поколение лицемеров, которые живут лишь внешним существованием, заботясь только о правилах приличия и о престиже. Они будут поучать своих ближних, но сами не имеют даже моральной смелости тех циничных, но искренних проповедников, которые говорили своей пастве: "Поступайте, как я вам приказываю, но не делайте, *как я делаю*". -----

Лицемерие, лицемерие и еще раз лицемерие; в политике и религии, в обществе, торговле и даже в литературе. Дерево познают по его плодам; о веке следует судить по его наиболее выдающимся писателям. И вывод о нравственной добродетели, присущей каждому отдельному периоду истории, следует как правило делать из того, что говорили его самые лучшие и проницательные авторы о нравах, обычаях и этике своих современников и тех классов общества, которые они наблюдали или среди которых они жили. И что же сегодня говорят такие писатели о нашем веке, и как они относятся к самим себе?

Английские переводы книг Золя были в конце концов изгнаны; и хотя нам нечего сказать против того остракизма, которому подверглись его "Нана" и "Земля", его последняя книга -- "Человек-зверь" -- могла бы быть прочтена в английском переводе с некоторой пользой. В связи с "Джеком Потрошителем" в недавнем прошлом и повальным увлечением гипнотизмом в настоящее время, это тонкое психологическое исследование современного невротического и "истеричного" мужчины могло принести хорошие плоды при помощи внушения. Однако кажется, что не в меру щепетильная Англия решается отвергнуть истину и не допустить, чтобы был сделан диагноз об истинном состоянии ее больной морали -- во всяком случае, иностранным автором. Прежде всего, были изгнаны его старые работы. Это многие одобряли, поскольку такая беллетристика, хотя она обнаруживала самые скрытые язвы в социальной жизни, высказывалась слишком цинично и непристойно, чтобы принести большую пользу. Но теперь наступает очередь графа Льва Толстого. Его последняя книга, если она даже еще не изгнана из книжных киосков, вызвала яростное осуждение у английской и американской прессы. И почему же, по мнению "Kate Field's Washington"? Разве "Крейцера соната" бросает вызов христианству? Нет. Защищает ли она распушенность нравов? Нет. Заставляет ли она читателя полюбить это "разумное животное", Позднышева? Напротив... Почему же так поносятся и обругиваются "Крейцера соната"? Ответ таков: "потому что Толстой сказал правду", утверждая не "жестокость", а искренность, и, без всякого сомнения, "о на самом деле отвратительном положении вещей"; а мы, люди девятнадцатого века, всегда предпочитаем хранить непоколебленными наши социальные скелеты в своих стальных шкафах и скрывать их от взора. Мы не решаемся отвергнуть ужасные, реалистические истины, изливаемые Позднышевым, о безнравственности нашего времени и современного общества; но мы можем обругать создателя Позднышева. Не осмелился ли он на самом деле показать современному обществу зеркало, в котором оно увидело свою собственную гадкую физиономию? К тому же, он не предложил какого-либо приемлемого лекарства для наших социальных болячек. Поэтому его критик, вознося глаза к небу и с бешенством на устах, утверждает, что несмотря на весь присущий ей реализм, ""Крейцера соната" -- это похотливая книга, которая хочет принести скорее вред, чем добро, *живо показывая чудовищную безнравственность жизни*, и не предлагая никакого возможного лекарства для ее лечения" ("Vanity Fair"). И еще хуже. "Она попросту *омерзительна*. Она не знает никакой меры и никакого оправдания; ... создание ума ... не только патологически нездорового, но ... далеко ушедшего в своем заболевании из-за болезненных размышлений" ("New York Herald"). -----

Таким образом, автор "Анны Карениной" и "Смерти Ивана Ильича", величайший психолог нашего века, был обвинен одним из критиков в *незнании* "человеческой

природы", в том, что он является "наиболее очевидным пациентом сумасшедшего дома", а другими ("Scot's Observer") назван "*бывшим* выдающимся художником". "Он борется", -- говорят нам, -- "против сильнейших человеческих инстинктов", потому что, в самом деле, автор -- по рождению православный -- говорит нам, что лучше вообще не заключать брака, чем допускать такое святотатство, которое его церковь считает одним из священных таинств. Но по мнению протестантской "Vanity Fair", Толстой -- "экстремист", потому что "со всеми своими недостатками, нынешняя система брака, *содержащая в себе даже такие отвратительные вещи, которые он нам показывает* (курсив наш), все же является меньшим злом, нежели монашество -- с его последствиями -- которое он проповедует". Это показывает нам представления обозревателя о *нравственности!*

Однако, Толстой не проповедует никаких идей такого рода; не говорит этого и Позднышев, хотя критики понимают его неправильно от А до Я, как и мудрое утверждение о том, что "не то, что входит в уста, оскверняет человека; но то, что выходит из них", то есть, низкое человеческое сердце или воображение. И это не "монашество", но *закон сдержанности*, которому учил Иисус (и оккультизм) в его эзотерическом значении, -- и которое не способно воспринять большинство христиан; его же проповедует и Толстой. Ничто не может быть более нравственным и более благоприятным для человеческого счастья и усовершенствования, чем применение этого закона. Он предопределен самой природой. Животные следуют ему инстинктивно, так же поступают племена дикарей. С самого начала периода беременности и до последнего дня кормления своего ребенка, то есть, в течение одиннадцати или двенадцати месяцев, женщина у дикарей *является священной для своего мужа*; и лишь цивилизованные и полу-цивилизованные народы нарушают этот благотворный закон. Таким образом, говоря о *безнравственности* брачных отношений в том виде, в котором они осуществляются сегодня, и о союзах, заключаемых из соображений коммерции, или, что еще хуже, о чисто чувственной, плотской любви, Позднышев разрабатывает идею, исполненную величайшей и священнейшей истины, а именно, что:

Для того, чтобы между мужчиной и женщиной соблюдалась нравственность в их повседневной жизни, *они должны совершенствовать чистоту и строгость их закона* (курсив наш). Развиваясь в этом направлении, человек покоряет себя. Когда он достигнет последней степени подчинения, мы будем иметь нравственный брак. Но если человек, как в нашем обществе, делает успехи только в физической любви, даже если он и окружает ее ложью и пустой формальностью брака, *он не получит ничего, кроме дозволенного порока* (курсив наш).

Хорошее доказательство того, что здесь проповедуется не "монашество" и не *полное безбрачие*, но только *сдержанность*, мы обнаруживаем на странице 84, где спутник, с которым путешествует Позднышев, отмечает, что результатом теории последнего было бы "что человек должен бы был жить отдельно от своей жены, и сближаться с ней не чаще одного раза в год или в два года". Или вот еще другая фраза:

Я не понимал в то время, что евангельские слова о том человеке, кто смотрит на женщину с вожделением, относятся не только к женам других людей, но особенно и прежде всего -- к его собственной жене.

У "монахов" нет жен, и они не женятся, если они хотят сохранить чистоту на физическом плане. Толстой, однако, по-видимому предвидел такого рода британскую критику и ответил на обвинения по этому поводу, вложив в уста героя своей "грязной и отвратительной книги" ("Scot's Observer") такие слова:

Подумайте, сколь же извращенными должны быть представления, если самое счастливое, самое свободное состояние человеческого бытия, состояние (*ментальной*) чистоты, считается чем-то низменным и смешным. Высший идеал, самое совершенное состояние, которого может достигнуть женщина, состояние чистой жизни, девства, вызывает в нашем обществе страх и насмешки.

Толстой мог бы добавить -- и если моральная сдержанность и чистота провозглашаются много большим злом, чем "система брака, содержащая в себе даже такие отвратительные вещи, которые он (Толстой) нам показывает". Разве добродетельный критик из "Vanity Fair" или "Scot's Observer" никогда не встречался с такой женщиной, которая, хотя и является матерью многочисленного семейства, в то же время остается в течение всей своей жизни, в ментальном и нравственном отношении, чистой девой, или с *девственницей* (вульгарно называемой "старой девой"), которая хотя и физически непорочна, все же превосходит в *ментальной*, неестественной развращенности самую низкую из падших женщин? Если он не встречал -- то встречали мы.

Мы утверждаем, что называть "Крейцерову сонату" *бессмысленной* и "порочной книгой", - это значит самым грубейшим образом упустить наиболее благородные и важные моменты в ней. И это не меньше, чем предумышленная слепота, или, что еще хуже, -- то моральное малодушие, которое скорее будет разрешать любую появившуюся безнравственность, чем упомянет о ней публично, не говоря уж о ее обсуждении. Именно на такой благоприятной почве процветает и разрастается наша нравственная проказа, вместо того, чтобы остановить ее применением своевременных лекарств. Эта слепота в отношении одного из своих главных моральных пороков такого рода и привела Францию к принятию несправедливого закона, запрещающего так называемый "поиск отцовства". И разве это, опять таки, не ужасающий эгоизм мужчин, к роду которых, безусловно, принадлежат и законодатели, ответственен за многие несправедливые законы, которыми обесславил себя эта древняя страна? Например, право каждого грубого и жестокого мужа продавать свою жену на базарной площади с веревкой вокруг ее шеи; право каждого нищего мужа определять судьбу своей богатой жены, -- права ныне к счастью отмененные. Но не покровительствует ли закон мужчине и по сей день, предоставляя ему средства для легальной безнаказанности почти во всем, что касается отношений с женщиной?

Неужели любому авторитетному судье или критику никогда не приходило в голову, -- и еще сильнее, чем Позднышеву, -- "что *безнравственность состоит не в одних лишь физических поступках, но напротив, заключается в освобождении какой-либо личности от всех нравственных обязанностей, которые налагают такие поступки*"? И в качестве прямого следствия такого легального "*освобождения от любых нравственных обязанностей*" мы имеем современную систему брака в каждой цивилизованной стране, а именно: мужчины, "погрязшие в извращениях", ищут "в то же самое время деву, чистота которой могла бы быть удостоверена" им; мужчины, среди тысячи которых "вряд ли можно найти хотя бы одного, кто не был бы прежде женат по крайней мере дюжину раз"!

Да, джентльмены прессы, скромные слуги общественного мнения, слишком большое количество ужасающей, жизненной правды, высказанной Позднышевым, безусловно навсегда сделали "Крейцерову сонату" неприятной для вас. Мужская часть человечества -- книжные обозреватели в числе прочих -- не хочет иметь перед собой такого правдивого зеркала. Они хотят видеть себя не такими, *каковы она есть*, но лишь такими, какими они желали бы *выглядеть*. Если бы эта книга Толстого была направлена против ваших рабынь и животных -- против женщин, тогда слава Толстого, без сомнения, сильно возросла бы. Но это почти первый случай в литературе, когда книга показывает все рукотворное безобразие *мужского рода* в целом, -- этого конечного продукта цивилизации, -- которое заставляет каждого порочного мужчину, подобно Позднышеву, верить в себя как в "высоконравственного человека". И она столь же ясно показывает, что женское притворство, склонность к мирскому и порочность, являются лишь рукотворными созданиями поколений мужчин, чья животная чувственность и эгоизм вынудили женщин искать ответных мер. Послушайте прекрасное и правдивое описание мужского общества:

Женщины знают, что наиболее благородная, наиболее поэтическая любовь вызывается не нравственными качествами, но физической привлекательностью... Спросите опытную кокетку, что бы она предпочла: быть обвиненной в присутствии человека, которого она хочет покорить, во лжи, порочности или жестокости, или же появиться перед ним в плохо сшитом платье... Она выберет первое. Она прекрасно знает, что мы всего лишь лжем, когда говорим о наших возвышенных чувствах; что все желаемое нами -- это сама женщина, и что ради этого мы готовы простить все ее низости, в то время как мы не простим ей плохо скроенной одежды... Отсюда эти отвратительные обтягивающие кофточки, эти специально оттопыренные зады, эти обнаженные руки, плечи и груди.

Если не создавать спрос, то не будет и предложения. Но такой спрос, создаваемый мужчинами, --

Объясняет этот экстраординарный феномен: что с одной стороны женщины подвергаются ужасным унижениям, в то время как с другой стороны они управляют всем миром... "Ах, вы хотите, чтобы мы были просто предметами удовольствия? Прекрасно, при помощи этого мы будем держать вас в рабстве", -- говорят женщины, [которые] подобно полновластным королевам содержат в качестве военнопленных и невольников девять десятых всей человеческой расы; и все это потому что они были унижены, потому что они были лишены тех прав, которыми пользовался мужчина. Они мстят за нашу сладострастность, они ловят нас в свои сети... [Почему же? Потому что] громадное большинство людей рассматривает поездку в церковь как необходимое условие для обладания какой-либо женщиной. Поэтому вы можете говорить что вам заблагорассудится, но мы живем в такой пропасти лжи, что до тех пор пока какое-либо событие не свалится нам на голову... мы не сможем пробудиться к правде...

Однако, наиболее сильное обвинение связано с некой предполагаемой параллелью между двумя классами женщин. Позднышев отрицает, что женщины из хорошего общества живут для каких-либо иных целей, чем намерения падших женщин, и доказывает это таким образом:

Если человеческие существа отличаются друг от друга по своей внутренней жизни, то это должно проявляться внешне; таким образом и внешне они будут также различны. Сравним теперь женщин из самых несчастных, наиболее презираемых классов, с женщинами из высшего общества; вы увидите те же самые платья, те же самые манеры, те же духи, ту же самую страсть к драгоценностям, те же самые танцы, музыку и песни. Первые обольщают всеми возможными способами; последние делают то же самое. Нет никакой разницы, нигде и ни в чем.

И знаете ли вы, почему? Это очень старый трюизм, это факт, подмеченный Онеидой, равно как и целым рядом романистов. Потому что мужа "дам из хорошего общества" -- мы говорим, конечно, лишь о светском большинстве -- весьма охотно предпочли бы постепенно покинуть своих законных супругов, поскольку они представляют собой слишком сильный контраст с *дамами полусвета*, которых обожают все они. Для некоторых мужчин, которые в течение долгих лет постоянно наслаждались отравляющей атмосферой определенных увеселительных заведений, поздними ужинами в *специальных кабинетах* в компании полированных женщин, искусственных с ног до головы, правильное поведение настоящей *дамы*, сидящей во главе их обеденного стола, с ее ненакрашенными щеками, ее прической, комплекцией и глазами, такими, какими их сделала природа, -- очень скоро становится *скучным*. Законная жена, которая подражает в своих одеждах и копирует *распушенные манеры* любовницы своего мужа, по-видимому с самого начала должна была прибегнуть к такой перемене от глубокого отчаяния, как к единственному средству сохранить что-либо от привязанности своего мужа, поскольку она не способна сохранить ее полностью. И опять-таки, этот ненормальный факт лакированных, разукрашенных и почти полностью обнаженных женщин из хорошего общества является делом рук мужчин -- отцов, мужей и братьев. Если бы *животные* претензии последних не создали этот класс женщин, которые были столь поэтично названы Бодлером *цветами зла*, и которые в конце концов разрушают всякую семью, мужчины которой однажды стали жертвами их гипнотизма, -- никакая жена или мать, и еще менее дочь или сестра, никогда бы даже не помыслили о подражании современным гетерам и о соперничестве с ними. Но ныне они делают это. Акт отчаяния первой жены, покинутой ради *дамы полусвета*, принес свои плоды. Остальные жены последовали этому примеру, и это превращение постепенно стало модой и необходимостью. Сколь же тогда справедливы следующие замечания:

Отсутствие прав у женщины состоит не в том, что она лишена права голосовать или отправлять законы, но в том, что во всем относящемся к привязанности она не равна мужчине, *она не имеет права выбирать вместо того, чтобы быть избранной*. Вы полагаете, что это было бы совершенно ненормальным. Тогда пусть мужчины также лишаться своих прав... Причина ее рабства заключается в том, что она рассматривается как источник наслаждения. Вы возбуждаете ее, вы даете ей права любого рода, равные правам мужчины: *[1](#)> но на нее все же смотрят как на инструмент для удовольствия, и ее воспитывают в таком духе с самого детства... Она всегда является рабыней, униженной и развращенной, и мужчина остается ее ищущим наслаждения учителем. Да, для уничтожения рабства прежде всего необходимо, чтобы общественное мнение признало, что позорно и постыдно получать пользу при помощи тяжелого труда своего ближнего; и для эмансипации женщины необходимо, чтобы общественное мнение признало, что позорно рассматривать ее как некий инструмент для получения удовольствия.

Таков *мужчина*, показанный во всей отвратительной наготе своей эгоистической природы, по-существу стоящий ниже "животных", которые "хотя бы знают, что их

потомки продолжат их род, и таким образом они следуют некоторому закону". Но "один лишь *мужчина* не знает, и не будет знать... Господин творения -- мужчина, который, во имя своей любви убивает половину человеческой расы! Из женщины, которая должна бы быть его помощницей в движении к свободе, он делает ради своего удовольствия не помощницу, а врага"...

Теперь становится совершенно ясно, почему автор "Крейцеровой сонаты" внезапно стал в глазах всех *мужчин* -- "наиболее очевидным пациентом сумасшедшего дома". Следовало бы ожидать, что граф Толстой, единственный, кто осмелился сказать правду, провозглашая отношения между полами в целом, *какими они являются сейчас*, "ужасной и отвратительной мерзостью", и кто, таким образом, стал мешать "мужским удовольствиям" -- конечно, будет объявлен сумасшедшим. Он проповедует "христианскую добродетель", и говорит, что то, чего желают современные мужчины -- это *порок*, о котором никогда не мечтали даже древние римляне. "Побейте его камнями до смерти" -- джентльмены прессы. Ведь вы, без сомнения, хотели бы видеть, как практически обосновываются и провозглашаются во всеуслышание такие статьи, как "Девушка будущего" м-ра Гранта Аллена. К счастью для поклонников этого автора редактор "Universal Review" сразу же отметил и выделил "этот утонченный такт и редкое совершенство чувствования, которое отличает его от всех его последователей" (если мы должны верить редактору "Scot's Observer"). Иначе он никогда бы не опубликовал такое ужасное оскорбление, брошенное каждой женщине, жене или матери. Заканчивая с диагнозом Толстого, мы можем теперь перейти к *лекарству* Гранта Аллена. -----

Но даже м-р Квилтер, публикуя эти *научные* излияния, торопится уклониться от того, чтобы его мнение отождествили с представлениями, выраженными в этой статье. Еще более прискорбно то, что эта публикация вообще увидела свет. Однако, поскольку это произошло, то надо сказать, что это скорее некое эссе о проблеме "отцовства и материнства", чем о проблеме пола; в высшей степени филантропическая статья, которая заменяет "значительно более важное и существенное представление о здоровье и благополучии детей, которые должны родиться", точкой зрения "о личном комфорте двух взрослых, включенных" в брачные отношения. Если назвать эту проблему века "сексуальной проблемой" -- это будет одной ошибкой; "проблемой брака" -- это другая ошибка, хотя "большинство людей и называют ее так с удивительным легкомыслием". Поэтому, чтобы избежать последнего, м-р Гранд Аллен... "назвал бы ее скорее проблемой ребенка, или, если мы хотим быть настоящими греками, невзирая на Гиртона, -- проблемой педопэтики".

После этого выпада против Гиртона, он делает еще один по отношению к Акту лорда Кэмпбелла, запрещающему публичное обсуждение некоторых чересчур *декольтированных* вопросов; после чего автор нападает в третий раз на женщин в целом. По сути дела, его мнение о слабом поле много хуже, чем у Позднышева в "Крейцеровой сонате", так как он отрицает наличие в них даже среднего интеллекта мужчины. Ибо то, в чем он нуждается, -- это "мнения мужчин, которые много думали по этому вопросу, и мнения женщин (если у них они есть), которые хоть немножко думали". Поскольку главной заботой автора является "формирование будущей британской нации", и его главный противник -- это высшее образование для женщин, "неудачный продукт оксфордской местной экзаменационной системы", он наносит четвертый и пятый удары, столь же злобные, как и остальные, по "мистеру Подснапу и миссис Гранди"*<2> за их *ханжество*, и по "университетским" дамам. Далее, вот в чем он выражает сомнение:

...Вместо того, чтобы пойти на тот риск, что некий чувствительный молодой человек покраснеет на несколько мгновений, мы должны позволить, чтобы процесс самопроизвольного заселения мира наследственными идиотами, наследственными пьяницами, больными с унаследованным туберкулезом и болезнями, наследственными бедняками, продолжался и далее без всяких изменений, и не подвергался бы никакой критике отныне и во веки веков. Пусть бедствие порождает бедствие, преступление -- преступление: но никогда, ни на одно мгновение нельзя допустить, чтобы в чистом уме стыдливой английской девушки возникла мысль о том, что для нее вообще существует какая-либо обязанность реализовать себя в этой жизни в качестве женщины, кроме как потворствуя романтической и сентиментальной привязанности к первым же черным усам или первой же клиновидной бородке, с обладателем которой ей случилось повстречаться...

Такая слабость лишь к *одним* "черным усам" ничего не даст. Автор "благородно" и "возвышенно" призывает "стыдливую английскую девушку" знать это и быть готовой к тому, чтобы стать счастливой и гордой матерью *на благо государства*, при помощи *нескольких* "черных" и прекрасных усов подряд, как мы увидим дальше, если только они отличаются красотой и здоровьем. Отсюда и его выступление против "высшего образования", которое ослабляет женщин. Ибо --

...вопрос заключается в том, будет ли существующая ныне система предоставлять нам матерей, способных создать умственно и физически здоровых детей, или нет? Если нет, то тогда она неизбежно и неминуемо потерпит неудачу. Никакая из когда-либо говоривших по-гречески Мон Кайрод и Оливий Скейнер не могла бороться против силы естественного отбора. Выживание наиболее приспособленного сильнее всего того, что вместе предлагают мисс Поцелуй, и мисс Леденец, и мисс Элен Кожаный-Саквояж, и администрация *Girl's Public Day School Company, Limited*. Раса, которая позволяет своим женщинам не исполнять своих материнских функций, опуститься в глубочайшую бездну забвения, хотя все ее девушки и будут наслаждаться логарифмами, курить русские сигареты и исполнять трагедии Эсхила в прекрасных и архаических хитонах. Раса, которая заботится о сохранении здоровья своих беременных матерей, сможет пройти долгий путь, хотя никто из ее девушек не мог бы прочесть ни строчки из Лукиана и не мог бы похвастаться ничем, кроме правильно развитых и уравновешенных ума и тела.

Заканчивая свое *entree en matier*, он показывает нам дальнейшее направление своего движения, хотя и предупреждает, что может сказать в этой статье очень немного, и лишь "приблизиться по боковой улочке к небольшому укреплению крепости, которую будут штурмовать". Мы увидим теперь, что это за "крепость", и по "боковой" маленькой "улочке" оценим ее общие размеры. М-р Г. Аллен, ставя диагноз тому, что по его мнению является величайшим современным злом, отвечает теперь на свои собственные вопросы. И вот что он предлагает для получения здоровых детей от здоровых -- потому что *незамужних* -- матерей, которым он советует избирать для каждого нового ребенка свежего и тщательно подобранного отца. Смотрите сами, это то --

...что м-р Галтон называет "евгеникой" -- так сказать, систематическими попытками усовершенствования расы при помощи преднамеренной селекции наилучших из возможных производителей и их соединения с целью произведения потомства с

наилучшими матерями. [Другой подход] оставляет размножение человеческой расы целиком на волю случая, и его результатом слишком часто является сохранение навсегда болезней, безумия, истерии, глупости, и других врожденных форм слабостей или пороков тела и ума. На самом деле, чтобы понять, сколь глупа наша практика воспроизводства человеческой расы, следует только сравнить ее с методом, который мы применяем для воспроизводства других животных, чистота крови которых, их сила и высокое качество стали столь важными для нас.

У нас есть прекрасные производители своего рода, будь то жеребец, бык или ищейка, и мы хотим сохранить навсегда их лучшие и наиболее полезные качества в их соответствующих потомках. Что же мы должны делать с ним? Должны ли мы связывать его на всю жизнь с одной производительницей и довольствоваться такими жеребцами, или телятами, или щенками, которые сможет предоставить нам случай? Вовсе нет. Мы не столь глупы. Мы свободно испытываем его повсюду, на всем широком поле выбора, и пытаемся скрестить его собственные хорошие качества с хорошими качествами различных качественных кобыл и телок, чтобы создать породы с иными, смешанными ценными свойствами, некоторые из которых в конце концов окажутся более важными, чем остальные. Таким образом мы приобретаем преимущества разнообразного смешения кровей и не растрчиваем все прекрасные характеристики нашего производителя на одну только систему характерных свойств одной-единственной производительницы, систему, которая может доказать, а может и не доказать, в конце концов, ценные свойства своей отдельно взятой натуры.

Говорит ли здесь ученый теоретик о мужчинах и женщинах, или он обсуждает животных, или же род человеческий и разные виды животных столь тесно связаны друг с другом в его научном воображении, что невозможно провести между ними разделительную линию? Это выглядит именно так, судя по тому, как невозмутимо и легко он смешивает животных производителей и производительниц с мужчинами и женщинами, помещает их на один и тот же уровень и предлагает "разнообразные смешения кровей". Мы с готовностью отдаем ему его "производителей", так как, в ожидании такого научного предложения, мужчины уже сделали самих себя животными, начиная со давних времен зари цивилизации. Они даже весьма преуспели в этом, поскольку, связывая своих "производительниц" лишь с одним-единственным "производителем" под угрозой закона и общественного ostracism, они сохранили для самих себя все привилегии этого, и закона и миссис Гранди, и имеют столь широкий выбор "производительниц" для каждого отдельного "производителя", насколько могли бы позволить их средства. Но мы протестуем против такого же рода предложения к женщинам стать *nolens volens* "качественными кобылами или телками". Мы еще не можем сказать, что даже наша современная беспринципная мораль публично одобрила бы или предоставила бы м-ру Аллену ту "свободу в проведении такого разнообразия экспериментов", к которой он стремится, без которой, согласно его словам, совершенно "невозможно получение лучших результатов для блага *человечества*". Было бы правильнее сказать -- *животного* человечества, хотя он и объясняет, что это "не просто вопрос получения призовых овец и тучных быков, но проблема рождения высших, прекраснейших, чистейших, сильнейших, наиболее здоровых, подготовленных и *нравственно безупречных граждан*". Мы удивлены, что автор не добавил к этим хвалебным эпитетам еще два, а именно, "самых почтительных сыновей" и мужчин, "гордых своими добродетельными матерями". Последние не были названы мистером Грантом Алленом вероятно потому, что он был предупрежден в этом вопросе "Господом Богом" из книги Осии (I. 2), который определяет тот класс женщин, из которого пророк обязан взять себе жену. -----

В журнале, редактор которого защищал и поддерживал сакральность брака перед лицом автора "Крейцеровой сонаты", предваряя "Веру" графа Толстого панегириком мисс Теннант, "Невеста на сезон", -- включение "Девушки будущего" является очевидной пощечиной самой идее брака. Кроме того, идея м-ра Г. Аллена вовсе не нова. Она столь же стара, как Платон, и столь же современна, как Огюст Конт и "Община Онеиды" в Соединенных Штатах Америки. И, поскольку ни греческий философ, ни французский позитивист никогда не приближались к автору в его бесстыдном и циничном натурализме, -- ни в пятой книге "Республики", ни в том, что касается "женщины будущего" в "Катехизисе религии позитивизма", -- мы приходим к следующему заключению. Так как само название "женщина будущего" у Конта есть прототип "девушки будущего" м-ра Г. Аллена, то ежедневные ритуалы "мистических совокуплений", совершаемые в "Общине Онеиды", должны быть скопированы нашим автором и опубликованы им, и лишь приправлены еще более грубым материализмом и натурализмом. Платон предлагал не более чем метод развития человеческой расы при помощи *тщательного удаления нездоровых и дефектных детей*, и при помощи совокупления лучших представителей обоих полов; его удовлетворяли "прекрасные характеристики" "одного производителя" и "одной производительницы", и он приходил в ужас от идеи о "преимуществах разнообразного смешения кровей". С другой стороны, верховный жрец позитивизма, полагая, что женщина будущего "должна перестать быть *самкой*" и, "подчиняясь искусственному оплодотворению", таким образом станет "*незамужней Девственной Матерью*", -- проповедует лишь своего рода безумный мистицизм. Но не таков м-р Грант Аллен. Его высший идеал -- сделать из женщины обыкновенную *племенную кобылу*. Он предлагает ей до конца последовать за

*...божественным импульсом момента, который является голосом Природы внутри нас, побуждающим нас здесь и сейчас (но не на всю жизнь) соединиться с предопределенным и соответствующим дополнением к нашему существованию,-- и добавляет: Если в человеке есть что-то священное и божественное, то это, безусловно, внутреннее побуждение, которое однажды говорит ему, что среди многих тысяч именно эта женщина и никакая другая является здесь и сейчас наиболее подходящей для того, чтобы вместе с ним они стали родителями полноценного ребенка. Если сексуальный отбор среди нас (среди одних лишь *мужчин*, если хотите) является более точным, более специализированным, более капризным и утонченным, чем у любого другого вида, то разве это не есть знак нашего более высокого развития, и разве это не говорит нам, что сама Природа в этих особых случаях анатомически выбирает для нас помощницу, наиболее подходящую для нас в связи с нашими функциями произведения потомства?*

Но почему "божественное"? А если это так, то почему только *в мужчине*, если жеребец, боров и пес разделяют с ним этот "божественный импульс"? Автор облагораживает и превозносит "такую внезапную перемену, видоизменяющую и *возвышающую общий нравственный уровень*"; с нашей теософской точки зрения, такое случайное соединение, вызванное внезапным импульсом, является *скотским по своей сути*. Это не в большей степени любовь, чем *похоть*, оставляющая без внимания все возвышенные чувства и качества. Между прочим, как бы понравился м-ру Гранду Аллену такой "божественный импульс" в отношении его матери, жены, сестры или дочери? Наконец, его аргументы о том, что "сексуальный отбор является более искусным и утонченным в человеке, чем в любом другом виде животных", являются ничтожными и жалкими. Вместо того, чтобы доказать, что этот "отбор" "священен и божественен", он просто показывает, что *цивилизованный человек опустился много ниже любого животного* после столь долгих поколений разнузданной безнравственности. Следующее, что нам могли бы сказать, это

то, что эпикурейство и обжорство являются "божественными импульсами", и тогда попросили бы нас видеть в Мессалине высший пример добродетельной римской матроны.

Этот новый "Катехизис сексуальной этики" -- можем ли мы так назвать его? -- заканчивается следующим возвышенным призывом к "девушке будущего" стать племенной кобылой культурных общественных жеребцов:

Я верю, что этот идеал материнства при определенных условиях скоро кристаллизовался бы в религиозную обязанность. Свободная и образованная женщина, которая сама, как правило, является здоровой, здравомыслящей и красивой, почувствовала бы этот долг, лежащий на ней, если она создает детей для страны в целом, создавать их по своему собственному подобию и при помощи соединения с подходящим отцом. *Вместо того, чтобы отказываться от своей свободы навсегда ради какого-либо одного мужчины, она стала бы ревностно защищать ее для пользы общества, и стала бы использовать свое материнство как драгоценный дар, который следует экономно расходовать для общественных целей*, хотя и всегда в соответствии с инстинктивными устремлениями, для пользы будущего потомства... Если бы она осознала, что обладает ценными и желаемыми материнскими качествами, то она расходовала бы их на принесение еще большей пользы своей стране и своим собственным потомкам, *свободно смешивая эти качества различными способами с наилучшими отцовскими качествами мужчины, который наиболее близок ее возвышенной натуре*. И, безусловно, женщина, которая достигла такого возвышенного идеала сексуальных обязанностей, как этот, почувствует себя более правой в своих действиях, становясь матерью ребенка этого великолепного атлета, этого глубокого мыслителя, этого прекрасно сложенного Адониса, этого одухотворенного поэта, чем связывая себя на всю жизнь с этим богатым старым дураком, с этим хилым молодым лордом, с этим страдающим подагрой инвалидом, с этим несчастным пьяницей, становясь матерью большого семейства золотушных идиотов.

О джентльмены прессы, непримиримые критики "безнравственной" "Сонаты" Толстого, суровые моралисты, которые содрогаются от "непристойного реализма" Золя, что вы скажете об этом создании одного из ваших национальных пророков, который, очевидно, обрел славу в своем отечестве? Такие натуралистические статьи, как "Девушка будущего", опубликованные в самом большом *Review* в мире, как мне кажется, более опасны для общественной морали, чем все *вымыслы* Толстого и Золя вместе взятые. Мы видим в этом результат материалистической науки, которая рассматривает человека только лишь как более высокоразвитое животное и, таким образом, относится к женской части человечества, исходя из своих собственных животных принципов. По уши погруженный в плотную материю и совершенно убежденный в том, что человечество, вместе с его первыми родственниками -- обезьянами, непосредственно произошло от некоего отца -- человекообразной обезьяны, и матери -- бабуина, которые принадлежали к ныне исчезнувшему виду, м-р Грант Аллен, конечно, бессилён увидеть всю ошибочность своих собственных рассуждений. Например, если это "честь для любой женщины, стать любимой Шелли... и принести миру ребенка от Ньютона", или "от Гете", то почему же тогда юные дамы, которые в краткие ночные часы ищут пристанища на Риджент-стрит и снова и снова пропитываются этой "честью", почему же они, мы спрашиваем, не получают общественного признания и благодарности от Нации? Городские скверы должны быть украшены их статуями, и Фрина должна быть возвышена в будущем как наглядный пример для Гипатии.

Нельзя было бы нанести более резкого удара по скромным и порядочным английским девушкам. Мы хотели бы знать, как понравится дамам, озабоченным современными социальными проблемами, статья м-ра Гранда Аллена!

"Люцифер", июль 1890 г.

*<1> И то, лишь в "полу"-цивилизованной России, если вам угодно. В Англии она все еще не имеет даже привилегии участвовать в выборах.

*<2> Литературные персонажи, ставшие нарицательными: м-р Подснап олицетворяет человека, преисполненного сознания своей непогрешимости; м-с Гранди -- общественное мнение в вопросах приличия.-- *Прим. ред.*
